

**УРОК В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ:
ОРГАНИЗАЦИЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ТЕХНИКИ, ПРАКТИЧЕСКИЕ
РЕКОМЕНДАЦИИ**

**Любовь к языку —
лучший учебник**

Евгений Ильин

Уроки практической грамотности

**Продолжаем знакомить вас с опытом
Санкт-Петербургского словесника
Евгения николаевича Ильина.
Предыдущая публикация на эту тему —
журнал «СШ»: 2008. №2.**

Ученик вышел к доске. Торопливо берет мёл... Стоп! Пстой. Немного успокойся, вытри доску. Каждое слово, каждая буква требует внимания. А внимание — это спокойствие. Издавна приметил: ученик, когда что-то пишет на доске, подобен художнику, рисующему картину. Художнику непременно нужно отойти, дабы яснее увидеть, что «изобразил», какие краски усилить, а какие убрать. Ученику отойти нужно ещё дальше — сесть за парту. Это тот плацдарм, откуда многое видится острее и хладнокровнее. Одно непреложное условие: абсолютное молчание класса. Любая подсказка, чем бы она ни была вызвана — нетерпением, бахвальством, соперничеством, — воспринимается как «подножка».

Итак, в классе тишина... Мой «художник» — за партой, и оттуда даёт мне указания, что поправить в его «рисунке». Когда парта корректирует до-

ску, грамотность оживает. Ведь мы знаем намного больше, чем выдаём. Но чтобы «выдать», надо изменить отношение к ученику, уподобив его художнику, парту — позиции, а класс — доброжелательно настроенной аудитории.

Написал, сел, внимательно посмотрел, подумал... Сколько других учеников за это время могло бы постоять у доски! Но грамотность требует медленного темпа. Дело совсем не в том, сколько ребят постоят у доски. Важнее другое — как постоит один в присутствии всех. Спешка — проклятие урока, в особенности того, где учат слову. Язык — та же математика: не усвоишь одного, не поможет и другое. А на очереди — следующее. Вот и метания... Чуть ли не на каждом слове — «заплатка». Нет, торопить нельзя. Одно дело поправить ошибку, и совсем другое — искоренить её. Но даём ли ученику эту возможность? Работаем ли мы не с учеником, а с человеком, формируя в нём ученика? На этой основе рождается доверительное общение — принципиально необходимый «метод обучения». В школьном коридоре, к примеру, могут остановить ученика и спросить: «Как пишется «мировоззрение»? Ну-ка, по слогам». Такая свобода в отношениях допустима и возможна лишь при наличии полного контакта с учеником. Психологически он не может замкнуться, отойти от учителя, видящего и ценящего в нём личность, человека. А мастерство и опыт старшего делают его активной и даже яркой фигурой. Есть ученики (и их немало), которые скучают на уроках, мучимые необходимостью знать то, без чего легко обойдутся. Доверительность, общение разрушают и этот, казалось бы, непробиваемый барьер, побуждая «скучающего» работать, как все. Сегодняшняя школа, сво-

бодная от догм и стереотипов, к сожалению, ещё слабо владеет методической работой с цельной личностью. Доминирует, в основном, урок знаний, но не урок общения, где каждый значим и интересен и сам по себе, и в контакте с другими. Общение предполагает и конфликт, если под угрозой знание. Поясню.

Своих коллег (учителей истории, химии, математики географии) любезно прошу время от времени выписывать на листке орфографические ошибки, которые ребята делают на их уроках. Эта информация поражает не столько числом ошибок, сколько грубейшими искажениями знакомых, казалось бы, слов. Учитель математики молча советует обратить внимание на такие перлы: докОзательство, аксЕома, трИугольник. Историк огорчает своей «лексикой»: воСтание, знамяНосец, объедЕниться, верАломный. Географ удивляет иными «находками»: метаЛургия, искАпаемые, прЕток, извИСняк. Красноречивы и словесные колонки учителей химии, физики. Но вот что любопытно: многие из тех исковерканных ошибками слов, что щедро «дали» мне коллеги, на уроках русского языка ребята пишут грамотно. Не сразу понял, в чём дело. Потом догадался: здесь они подходили к слову как к слову, зато на других уроках относились нему как к понятию. Решил пойти на конфликт. «Приток, ископаемые, известняк...» — неторопливо выводит ученик на доске и объясняет, почему надо писать именно так. Иначе нельзя...

— Если «нельзя», — спрашиваю, — то почему позволяешь себе не считаться с этим на уроках географии? Может, там другой русский язык? Может, некому контролировать? Или слово для тебя вроде пластилина: лепи, что хочешь? И за географию

обидно: написать слово с грубой ошибкой, зная его, — не самая ли грубая и непростительная ошибка? Она затрагивает и мою честь: что подумает обо мне всеми уважаемый географ? А историк, наткнувшись на нелепые «объединиться», «верАломство»?..

И так иногда говорю с учеником, а заканчиваю примирительным: «Делай в конце концов любую ошибку, но только... на уроках русского языка».

Помимо общих, типичных ошибок, словеснику приходится иметь дело с набором индивидуальных, порой фантастических, вроде: «патАму-что, сАчувствовать». Если первые обычно выписываются на доске, то вторые... Категорически запретил себе выставлять на общее обозрение ошибку, способную ранить ученика, задеть его достоинство. Глумление не повышает грамотности! Наоборот, сковывает инициативу, расхолаживает отношения с учителем, а главное — с грамматикой.

Нет такого ученика, который весь отдавался бы учёбе. Помимо школьных, существуют и другие заботы. Подспудно они дают о себе знать даже в минуты оптимальных учебных напряжений (экзаменов, контрольных, зачётов). Что же касается обычного урока, то, подобно черепашке, ребята здесь нередко прячут голову под спасительный панцирь некоего отчуждения. Возникает дистанция между учеником, ушедшим в себя, и учителем, жаждущим его чему-то научить. Но многому ли научишь того, чья голова «спрятана»? И тогда в моей практике родился приём — житейским, насущным максимально «вытянуть» на себя голову ученика из панциря отрешённости и уже затем, не давая ей вновь спрятаться, оперативно решать учебные проблемы, сучноватые по-

рой даже для учителя. Сниженную реакцию (переутомление, накопившуюся усталость) нужно снимать встряской.

«Встряхнуть» можно по-разному. Послушать музыку, прочитать стихотворение, прокомментировать иллюстрацию, рассказать смешную историю, случай из собственной биографии... Включиться в урок так, будто он не пятый или шестой, а — первый.

Когда в рекламных объявлениях читаю или слышу о всевозможных «чародеях» ускоренной грамотности, обещающих научить правописанию чуть ли не за неделю-другую, берёт даже не сомнение, а оторопь. Грамотность в отрыве от всего остального — нравственного, эстетического, раздумий над словом, творческих сочинений, навыков анализа и т.д. — становится самоцелью и стоит немногого. Она так же скоро уйдёт, как и пришла, ибо ей не на чем «задержаться». **Я — за духовный, творческий, а не бездумно-механический подход.** Не раз приходилось слышать от своих бывших учеников, как то или иное слово, на котором в мимолётных сомнениях вдруг задержалась рука, тотчас воскрешало в памяти школьные годы, эпизоды уроков, лица одноклассников, шутки. Вырисовывался не холодный, безликий урок, не правила и орфограммы, а мы сами.

Мне нужна не просто грамотность, а **сформированная на её основе личность ученика**, способная не только понять и принять, но и полюбить всё то, чему его научили и чему научился он сам. Не натаскать, а взрастить — вот сущность гуманистической педагогики, о которой сегодня так много говорят и пишут.

Мое кредо, неизменно помогавшее в работе: прежде чем открыть книгу, открой ученика — с ещё боль-

шей эффективностью помогает в обучении грамотности. «Открыть» — это разбудить, расшевелить, то есть активизировать. Ни один из предметов нельзя преподавать вяло и скучно. «Веселинка» нужна и математике, и физике... Но ещё больше — при изучении языка. Слово любит ясную голову. Если внимание школьника, как утверждают психологи, наиболее продуктивно 15 минут, а затем наступает спад, то на уроках грамматики уже после двух-трёх написанных предложений многих одолевает скука — злейший враг внимания, его разрушитель! Нужна разрядка, своего рода «педагогическая пауза». Существует множество приёмов встряхнуть, разве-селить класс.

— Фраза, которую сейчас напишем, — конкурсная. Того, кто не делает ни единой ошибки, ожидает приз.

Встряхнулись, глаза заблестели, хотя призом может быть что-нибудь совсем незначительное, вызывающее невольную улыбку относительно его престижности.

Грамотность в немалой степени зависит от того, сколько «встреч» предстоит с тем или иным словом и насколько впечатляющей будет каждая из них.

Вызываю к доске отличника, идущего на медаль, и он под диктовку уверенно пишет 20–30 слов. Хорошо, молодец! И всё-таки в одном допустил ошибку. Вместе со всеми мой отличник пытливо перебирает слова. Раз, другой. Недоуменно пожимает плечами. У остальных в душе и на лице заносчивое желание поправить, показать, что и они, дескать, не лыком шиты. Короче, в полную силу работают и один, и все. Бегут минуты. Где же она, эта предательски ускользнувшая ошибка? Ищите, ищите... Слова написаны верно!

Русский язык соединяет все предметы, и это по-своему повод заметить слово и поработать над ним в контексте, предположим, только что отшумевшего урока истории, его следы подчас хранит убористо испи-санная классная доска. Замешкавшись, мой коллега не успел снова сделать её чистой, и хорошо. На свежем тексте многое по-свежему выглядит. Декрет, авантюра, экспансия, альтернатива, забастовка... — тут же заключаю эти слова в рамку. Прошу внимательно посмотреть. А затем уже на чистой доске вновь воспроизвести. После этого начинаю урок.

— Выполни любое желание, если без ошибок напишете всего лишь одну фразу из «Обломова». Могу, если хотите, освободить от домашнего сочинения, тему которого объявлю в конце урока. Итак, начнём. «Захар умер бы вместо барина, считая это своим неизбежным и природным долгом и даже не считая ничем, а просто бросился бы на смерть, точно так же, как собака, которая при встрече со зверем в лесу бросается на него, не рассуждая, отчего должна броситься она, а не её господин».

И снова тишина напряженно работающих «сапёров» (к слову мы подходим бережно и осторожно, как сапёр к мине). Одно-двух, а то и трёх учеников действительно освобождаю от сочинения. Пусть «подтянут» другие предметы. По-своему они тоже влияют на грамотность. Разве не бывает так: пишут диктант, а думают о математике?

Возможности тех или иных приёмов, оживляющих работу над языком под девизом: ничего не делать просто так, а всё с выдумкой, безграничны. Ведь настоящее внимание всегда эмоционально, поэтому не так, так эдак стараюсь вызвать эмоцию, и через этот канал пробираюсь

к мышлению, к сфере, которая иным кажется мучительно неинтересной.

Хочу, однако, заметить: педагогическая выдумка не имеет ничего общего с фиглярством, трюкачеством, клоунадой — всем тем, что так или иначе компрометирует учителя. Тем не менее какие-то мгновения эксцентричности необходимы.

Однажды, увлечённо что-то объясняя у доски, ненароком вытер нос меловой тряпкой. Ребята расхохотались.

— Вот так бы и вам работать! — вытирая лицо платком, сказал я. — Азартно, целиком отдаваясь делу. Тогда «баррикаду» не перепутаете с «коридором», а «колею» с «аллеей» и «аллегорией»...

Используя весёлую минутку, стал выписывать на доске слова, в которых ребята постоянно делают ошибки. Шутка — основа весёлой педагогики, её душа.

«Что бы в речЬку леСтЬ, надо рыбку сЬесть», — написал я однажды на доске с весьма серьёзным видом, готовясь, якобы, к объяснению.

— Может, наоборот? — слышались голоса. — Сначала в речку...

— Только это и заметили?

Оживились. На доске появилось «чтобы», из «речЬки» исчез мягкий знак, существительному «лесть» противопоставили глагол «лазить», а в слове «сЬесть» после приставки перед гласной водрузили твёрдый знак. Восстановили логику всем известной пословицы: «Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть». В первоначальном, комическом варианте, не случайно появилась «речка». В воду, если говорить о грамотности, может «слазить» каждый и выйти сухим, а вот в речку... Попутно выписали слова, о которых она напомнила: печник, каменщик, сварщик.

«Смешинка», говорит опыт, быстрее и надёжнее искореняет ошибку. Сколько сил порою тратим, объясняя переход прилагательных в причастия. А результат? И всё потому, что слишком «правильно», слишком «серьёзно». А ведь можно и по-другому.

Образуем прилагательное от глагола «жарить» — жареная картошка. Добавим приставку — поджаренная картошка. Это уже причастие, полное, о чём говорит двойное «н». В нём, однако, по-прежнему сохраняется прилагательное (картошка — какая?), но действия, т.е. глагола, — больше. Глагол, а не признак здесь на первом плане. Приставки, впрочем, может и не быть, если имеются пояснительные слова: жареная на сливочном масле картошка. А если на маргарине? Ребята на секунду призадумались. Затем заулыбались: какое это имеет значение? Вот именно. Но я добился своего — улыбки, т.е. внимания. Вторым более серьёзным примером подтвердим и закрепим первый.

Ученик написал на доске: «Кирилл Гаврилович, отрежьте-ка мне, пожалуйста, кусочек яблочного пирожка, налейте заодно некрепкого чая и отнесите на кухню, где у вас как-то по-особенному тепло и уютно».

Великолепно, говорю ученику: чёрточки поставлены, обращение и вводное слово выделил, суффиксы -ек -ик (кусочек) не спутал, прилагательное с «не» грамотно написал. Молодец! Тем не менее ошибку допустил. В слове «отрежьте» мягкий знак ни к чему.

Пауза. И в классе, и возле доски. Учителю, конечно, надо верить... но рука не спешит зачеркнуть знак, без которого действительно можно обойтись. Удовлетворённо сияют лица у тех, кто предусмотрительно не поставил его. Всерьёз озабочены

другие, у кого он есть. Так нужен или не нужен? Волей-неволей вспомнили глаголы повелительного наклонения. Их отличительные приметы: «ь», «и», «й» сохраняются в вежливой форме. Сама фраза иллюстрирует это: отрежьте, налейте, отнесите. Провокация удалась: радуются те, кто в слепой доверчивости не поспешил перечеркнуть мягкий знак; искренне огорчаются те, кто сделал это; ну, а тем, у кого мягкий знак отсутствовал, ничего не оставалось, как подружиться с глаголами повелительного наклонения, учитывая при этом подводные рифы (исключение: ляг — лягте) и недопустимые в устной и письменной речи удручающие своим вульгаризмом формы «ляжьте», «ложьте», несуществующие в грамматике.

Спровоцировать ошибку, которой нет, используя приём педагогического «розыгрыша», так же допустимо, как и умышленно порой «не заметить» ошибку.

Нет ничего коварнее союза «и». Добрая половина просчётов падает на него. В самом деле, нелегко разобраться, что он соединяет: два слова, два оборота, два самостоятельных предложения или два однородных. Там, где появляется «и», должен вспыхнуть сигнал «Внимание!». А если рядом два союза? Полезно и вовсе отложить ручку и подумать, что это и как с этим быть. «Старик молчал, и, боясь нарушить тишину, молчали и мы».

Если перед «и» запятую поставят многие (два самостоятельных предложения), то первую запятую деепричастного оборота, скользнувшую, как тень, в узком промежутке соединительного союза и деепричастия, увы, не каждый. Иным и в голову не придёт, что всего лишь одна буква может оказаться в плотном кольце запятых, имеющих разное

значение. Ситуация усложняется, когда тот или иной оборот возникает совсем неожиданно и оттого для многих тем более незаметен. «Недавно я узнал, что, возвращаясь из Персии, Печорин умер».

Нужно хорошо знать правило, по крайней мере, иметь тонкое языковое чутьё, чтобы ощутить, как вслед за союзом придаточного предложения мгновенно, точно включение электрической лампочки, «вспыхнул» деепричастный оборот, тесно прижавшись к союзу. Разорвать эту связь удаётся не всякому. Советую опять же не просто внимательно писать, а как поэты, проговаривать фразу. Интонация непременно остановит именно там, где одну часть предложения нужно отделить от другой сперва «услышанной», а затем и понятой запятой. Обязательно — понятой. Иначе возможны слуховые просчёты. Синтаксис — точен: обозначил начало, найди и обозначь конец.

«Этот невысокий старичок, живущий в низеньком деревянном домике, — профессор, оказывается».

Соседство запятой и тире, встречающееся довольно часто, не должно смущать.

Одной запятой — столько внимания? Ну, во-первых, не одной. Примеры насыщены и другими правилами, затрагивающими разные стороны синтаксиса, орфографии; во-вторых, (и в том ещё один «секрет») научимся видеть вторую запятую, легче справимся и с другими. Не раз замечал, как ощутимо выростала грамотность ученика, когда удавалось освободить его от типичной, хронической ошибки. Вместе с нею как бы отмирали и другие, которые она магически притягивала. На этом уроке, помимо всего прочего, ребята пришли к ещё одной важной мысли: синтаксис более, чем

орфография, в их руках. Но есть и свои сложности, касающиеся уже нас, учителей.

Если «слово» каждый обязан написать так, как велит грамматика, то с синтаксисом многое обстоит иначе: появляются так называемые авторские знаки. Писатель, журналист, учёный имеет право на такой знак, а школьник? Собираем нередко целые комиссии, выявляя правомерность той или иной запятой, тире, двоеточия (Горький, к примеру, написал: «Море — смеялось...») Говорю о сочинениях, представленных на медаль. В таких комиссиях бывал и я и с огорчением наблюдал, как иные академическую грамотность ставили выше творческой. Не считывая на снисходительность моих «теоретизировантных» коллег, за 2–3 месяца до экзамена я переводил «стрелку», раздваивая путь. На это время я становился одновременно и учителем, и репетитором, способным открыть секреты бесспорного синтаксиса.

Поведаю и о другой своей «выдумке». Коробки из-под чая не выбрасываю. Разрезаю их на четыре продольные части и на внутренней гладкой стороне пишу какую-нибудь фразу. По типу, объёму и сложности фразы очень разные. «Угощука я вас сегодня стаканчиком «грузинского чая», — шутливо говорю ребятам. Вслед за этим пишем и проверяем относительно лёгкую фразу, вроде этой: «Расскажи-ка, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил и как он хотел тебя повесить» (А.Пушкин).

В другой раз испробуем чая покрепче — «индийского»: «Я прикасаюсь к воде рукой, и когда вынимаю её, то горсть светящихся бриллиантов падает вниз, и на моих пальцах ещё долго горят нежные синеватые фосфорические огоньки...»

— Каким чаем сегодня угостите? — шутят в начале урока ребята. Показываю обратную сторону карточки: «цейлонский». Притихают, готовясь к самому трудному угощению. «Как ни тяжелы были дни пребывания в тайге, что бы ни приходилось претерпевать, она ни разу не падала духом, рассчитывая, что экипаж в ближайшее время будет разыскан».

«Пили чай» разных сортов и марок: послабее, покрепче. А бывало — только самый высший! Иногда, впрочем, «чай» надоедал, и тогда я предлагал «кофе». Так мы в шутку называли работу над словами. В нашем лексиконе вскоре появился и «кефир» — классное сочинение, который устраивал гораздо меньше, чем «кофе» и «чай». Замечу: не было ни одного урока, где бы я не «угостил» ребят чем-нибудь.

Над теми, кто разделил запятой подлежащее и сказуемое, непременно пошучу.

— Слава Богу, что ты не электрик. А то бы сидели мы без света. Ты же перерезал провод... Связист, вагоновожатый — тоже не твоя профессия.

В развитии интереса к слову зрительный образ («сапёр», разряжающий мину; «электрик», обеспечивающий свет; «связист» и т.д.) играет очень важную роль. Однако бывают ученики, у которых внимание ослаблено настолько, что приходится расширять образный ряд иными профессиями. Отныне, говорю такому, ты — хирург и работаешь не ручкой, не карандашом, а скальпелем. Жизнь слова, таким образом, целиком зависит от того, как прикоснёшься к нему. «Словом можно убить, словом можно спасти...» Но можно убить или спасти само слово.

Неаргументированная, в большинстве случаев ненужная, запя-

тая — бич старшеклассников. Интонируя на разный манер распространённое предложение, они часто наполняют строчки запятыми-«сорняками», не в силах объяснить ни себе, ни учителю превратности собственной грамматики. Не всегда и не тотчас удаётся помочь. Легко обосновать необходимую запятую, но убедить, почему она не нужна, требует нередко сил и времени. Не поможет ли и здесь всё та же «выдумка»? Пусть, к примеру, ребята сочинят размашистую, но по стилю и смыслу безупречную фразу, где бы не было ни одной запятой. Чем больше будет она по размеру, — тем убедительнее, эффектнее резонанс. Тем очевиднее докажем себе и другим, что обилие слов — ещё не повод к постановке запятой.

И вот на моём столе кипа листов. Иные исписаны на треть и даже наполовину. Всяк размашист и глыбист, словно Лев Толстой, только вот... запятых ни у кого нет. А нет, потому что не надо. Вот одна из таких фраз: «Незадолго до обеда мы всей нашей довольно шумной компанией со смехом и прибаутками на несколько минут вышли за территорию спортивного лагеря неторопливо и чинно погулять в узеньких тенистых аллеях небольшого городского парка с только что выкрашенными зелёной краской скамейками и ровно подстриженными газонами».

На нашем конкурсе фраз эта оказалась наиболее удачной. Слов много, а запятых — ни одной! А ведь как хочется поставить! Но ухо — плохой советчик. Лучше довериться глазу, ещё надежнее — правилам!

Иногда на абсолютно чистой, пустой доске с серьёзной миной на лице поставлю запятую. Спрошу: кто объяснит, почему она нужна? Ребята улыбаются. Впрочем, нахо-

дятся те, которые пытаются обосновать одинокую запятую.

— Она нужна, если по обеим сторонам от неё простые предложения или однородные члены...

— Или какой-нибудь оборот, например, деепричастный...

— А ещё вводное слово, обращение...

Так вокруг курьёзной запятой выстраивается ряд очень важных пунктуационных правил.

Я оптимистично утверждаю, что грамотными могут быть все, независимо от возможностей и склонностей. Но делаю существенную оговорку. В любом классе есть и будут ученики, требующие особого подхода. Складывается он из многих мелочей. Коснусь лишь одной. Те, кто по разным причинам не в ладах с грамматикой, оказываются в зоне повышенного и, более того, неотступного внимания, где-то выходящего на грань неизбежной в таких случаях «назойливости».

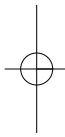
— Евгений Николаевич, можно спросить?

— Можно, если запятую поставил.

Недоумение.

— Спроси, пожалуйста, ещё раз, но так, как будто пишешь. — Спрашивает с паузой после обращения. — Верно, если обращаешься, — значит, обращение. Запятая или восклицательный. Но мне пока достаточно запятой.

— Лена, напомни, пожалуйста, чьи это строчки: «Мороз и солнце; день чудесный!» Правильно, это Пушкин. Напиши вот тут, в моём блокноте, «чудесный» и постарайся не испортить этого дня. Умница. А если так: «Мороз и солнце; день прелестный»? Ещё раз умница. Без корневого «т» здесь нельзя, иначе мороза прибавится, а солнце как бы померкнет.

— На перемене, Денис, ты шумно рассказывал о каком-то абонементе. Расскажи-ка о нём и мне, только по слогам и буквам.

— Говорят, ты неплохо играешь на гитаре. Следовательно, должен знать, что такое «аккорд», «аккомпанемент», «мелодия»... Нет-нет, объяснять не надо, лучше напиши: вслух.

— Сказать, как пишется «сверхъестественный», или сам это сделаешь?

Толкуя о мелочах, имеющих немалое значение в нашей жизни, педагогика, тем не менее, боится их. Отсюда: всё, всё должно быть «большим» — темы, пути, подходы, способы. «Большое», по сути, и вытеснило многие педагогические техники, наполнив урок однообразием и скукой. Я придерживаюсь иного: нет «смешинки», нет выдумки — нет и урока.

...Много лет не удавалось приучить ребят к дефисному написанию суффиксов -то, -либо, -нибудь, -кое, -таки, -ка. Бывало, всем классом по несколько раз то тихо, то громко проговаривали их. Вместе с тем чёрточка упрямо куда-то исчезала из тетрадей. «Опять дефис не поставил», — укорял ученика. Или: «А где чёрточка?» И видел на лице понимание, вину. Улавливал и едва скрываемую скуку: опять эти чёрточки... Сколько можно... Что ж, попробуем напомнить иначе — улыбкой.

— Ты куда чёртика дел?

— Какого чёртика?

— Как какого? Чёрточку.

То, что много лет не удавалось скучному «дефису», вдруг оказалось по силам весёлому «чёртику». С грамматическим «Мефистофелем» позже связал все случаи дефисного написания слов.

Многое, многое доступно словеснику, когда он меняет способы,

приёмы. Не прикасаясь к мелу и тряпке, лишь с помощью рук, мне, например, удавалось напомнить разницу между глаголами 1-го и 2-го спряжения, особенности личных окончаний, а скороговоркой (гнать, держать, терпеть, зависеть...) воскресить глаголы с безударными окончаниями. Понятно, об этом не расскажешь и не напишешь. Ещё не разгаданную методику рук, т.е. жеста, сопутствующей ему интонации, мимики, надо видеть. Это по силам каждому.

Вернусь к союзу «и». С его помощью мне удавалось «вытянуть» чуть ли не весь синтаксис. Графически это выглядело так. В центре доски крупно пишу союз «и». От него — в стороны, вниз, наискось мелким убористым почерком фразы, обороты и т.д., где он есть. Получается образ «паучка», протянувшего нити ко многим, а в общем, ко всем опорным узелкам синтаксиса. Тут появится, конечно, и двоеточие, точка с запятой, тире — словом, весь набор пунктуации. Если тщательнее поработать с «паучком», примеры можно наполнить и трудными случаями орфографии. Неистощима выдумка, когда очень хочешь, чтобы «информация» не загасила интереса...

Любая книга со временем приходит в негодность и её несут в макулатуру. Не являются исключением и учебники по русскому языку. Но я никогда их не «списывал», а старательно собирал, чтобы дать им вторую, возможно, более удачную жизнь. Коль уж и впрямь рассыпаются полуизодранные страницы, не грех каждую из них разрезать на параграфы, правила и наклеить на отдельные карточки. Получается довольно обширная картотека, вбирающая в себя материал сразу нескольких пособий. Прежде, объясняя ошибку, я советовал ученику

заглянуть в тот или иной раздел учебника, хотя и не был уверен, что он выполнит мою просьбу. Теперь же всё гораздо проще: прямо на уроке в виде карточки я даю ученику соответствующий раздел и не торплю с возвратом. Иногда он получает не одну, а несколько карточек и каждую прочитывает намного пытливей, чем просто страницу учебника. Спросят: а как быть, если ошибка одна и та же у многих? В моей картотеке (потому и собираю списанные учебники) целый набор карточек на одно и то же правило. Когда ребята возвращают их мне, обычно спрашиваю: «Не спешишь?» — и тут же проверяю, насколько усвоено правило. Карточку, конечно, можно составить и от руки либо наклеить машинописный, компьютерный текст. Но мне психологически нужна авторитетная, непререкаемая страница учебника — обязательно изолированная, способная сфокусировать, обострить, углубить внимание.

Практически все ребята допускают ошибки. Но ошибки бывают разные. Не дать ли каждой их них характеристику?

Нелепые: иногда, зная слово, школьник не захотел или не успел подумать над ним — **вкраТчивый**, **развлИкаться**, **чЕродей**, **оклевИтаться**...

Досадные: в одном случае пишут правильно (приоритет, **ниспровергать**), а в другом — **прЕоритет**,

ниЗпровергать. Двойственное написание на почве всё той же «нелепости» вызывает досаду.

Грубые: к ошибкам этого рода относятся те, которые вызваны незнанием правил. Они могут повторяться бесконечно, если отсутствует теоретическая основа — **прикОсаться**, **прикАсновение**. Две-три строчки учебника относительно корней с чередующимися гласными могли бы навсегда устранить грубую ошибку.

Есть ошибки «ужасные»: в одном слове сразу несколько изъянов, искажающих слово до неузнаваемости — **гОлЕмотья**. Вот и думай: то ли это известная всем «галиматья», то ли какое-то новое сложное слово с соединительной гласной.

Есть механические ошибки, когда голова доверяет руке больше, чем нужно; «зрительные», «комические» — «стеллаж» часто пишут с одним «л», мысленно увязывая его с глаголом «стелить» или со «стелькой». «Описки» в расчёт брать не следует, хотя при всей их безобидности они одно из проявлений скользкого, поверхностного внимания. Деформация буквы — тоже тревожный сигнал. Слово как бы размывается, тускнеет. И вот уже замелькали описки, поправки, ошибки. Поэтому по черк для меня — чуть ли не решающий фактор грамотности.

Санкт-Петербург